

ГЛУШИТЕЛИ

Книга 2

АЛХИМИК
СТРАХА

Сергей Носницын

Сергей Носницын

**Алхимик страха. Вторая
книга серии «Глушители»**

«Автор»

2026

Носницын С. Ю.

Алхимик страха. Вторая книга серии «Глушители» /
С. Ю. Носницын — «Автор», 2026

Шесть месяцев назад Элиан Норвуд закрыла Дверь в мир без боли и стала Хранительницей. Теперь она чувствует страдания всего Трилистника — и медленно умирает под их тяжестью. Ксан Рейвенвуд потерял дар. Его стеклянная рука разбита, голоса в голове замолкли. Он больше не Алхимик. Он — никто. А в городе пробуждается древний Голод. Он питается чужим страхом, и его жертвы перестают бояться — и перестают жить. След Голода ведёт Ксана в дом отца — в особняк Рейвенвудов, где из стен растёт стекло, а из прошлого выползают чудовища. Чтобы спасти Элиан, он должен вернуть свой дар. Цена — встреча с тем, кто его создал. И прощение того, кого он ненавидит. Но Голод — не монстр. Голод — это то, что остаётся, когда боль заканчивается. И он уже выбрал свою следующую жертву.

© Носницын С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Носницын
Алхимик страха. Вторая
книга серии «Глушители»

Глава 1

Глава 1. Алхимик страха

Пролог. Шёпот страха

Ксан Рейвенвуд открыл глаза — и в тот же миг, ещё до того, как окончательно пришёл в себя, он ощутил: что-то горит там, где давно уже всё сгорело и гореть больше нечему. Там, где пять лет назад осталась лишь культия, перетянутая кожаным ремнём.

Это был не настоящий огонь — он не грел воздух, не оставлял ожогов на коже. Он полыхал где-то глубже, в закоулках нервной системы, которая всё ещё «помнила» пальцы, ладонь, предплечье. Культия, перетянутая кожаным ремнём, вспыхнула багровым светом — не отблеском стеклянного протеза, не магической силой его старого дара, а болью без формы, живой и требовательной, словно хищная птица, клюющая свою добычу.

Он не испытывал такой боли в течении пяти лет.

С тех пор, как вулканическое стекло заменило руку, когда с протезом он приобрёл магическое мастерство — точное, продуманное: вдох — и страх превращается в хрупкую стеклянную прозрачность, выдох — и мир успокаивается. С тех времён, когда его страх научился молчать.

А теперь молчание превратилось в жуткую боль.

— Тебе что-то приснилось? — прошептала Элиан, не открывая глаз. Её голос был тихим, но почему-то пробирал до мурашек — как если бы ты коснулся холодной железаки и потом ещё долго чувствовал этот ледяной отпечаток на коже.

Она лежала рядом, на узкой кровати в его часовне, и её кожа всё ещё мягко светилась серебром, похожая на тусклую луну, притаившуюся в тени. Полгода назад сияние кожи было ярче, бросалось в глаза, а теперь слабенько отсвечивало. Но даже этого слабого света хватало, чтобы всё вокруг смотрелось по-другому: стены вытягивались вверх, тени сгустились, стали плотнее, а тишина стала какой-то осязаемой — словно вязкое масло медленно обволакивало комнату, заполняя каждый уголок.

Ксан прижал культию к груди, и серебряный свет дрогнул, отразившись в неровностях стен. В этом мерцании тени двух спящих превратились в сплетённые силуэты на стенах, они выглядели, как древние великаны, застывшие в вечном объятии.

— Нет, — ответил он. — Я был бы рад, если бы это был сон. Но у меня реально болит рука, я схожу с ума от этой боли.

Элиан проснулась от этих слов и медленно села на кровати. Серебро её тела на миг стало ярче — не от прилива сил, а от упрямой привычки жить, когда другие уже закрывают глаза.

— Тебе нужно отдохнуть, — посоветовала она. — Ты нормально не спишь уже третью ночь.

— А ты? — Ксан криво усмехнулся. — Ты вообще когда нибудь спишь? Или ночи напролёт слушаешь чужие крики?

Элиан промолчала, но это молчание было честнее любого ответа. Ксан прекрасно знал: когда вечером жители города запирались у себя в тёмных комнатах, их боль оставалась снаружи и выходила на прогулку. Поэтому Элиан можно было увидеть ночью, лежащей рядом с его часовней, словно стражник охраняющий вход в кошмар, и слушала, как от боли стонет Трилистник.

Трилистник был болен.

Боль мира — та, которую не успела забрать Дверь, — стекалась в город, как река в высохшее русло, ставшее слишком узким. Элиан Норвуд была Хранительницей боли — последней

надеждой Рваных, средством способным облегчить страдания, она переживает за людей которых даже не знает.

Элиан не жаловалась на свою тяжёлую долю.

Но Ксан видел, как ей тяжело, она тает с каждым днем — медленно, как свеча на ветру. День за днём, час за часом. Элиан ослабла: её некогда могучая сила теперь едва теплится, как угасает последний уголёк в костре.

— Сегодня пришёл новый потерпевший, — вдруг произнесла Элиан, и голос её стал совсем тихим. — Глушитель из окрестных предместий.

— У него глаза не повреждены? — коротко уточнил Ксан.

Элиан едва заметно кивнула.

— Нашли в канаве. Без глаз. Он ничего не помнит.

В груди Ксана шевельнулось привычное предвкушение драки : в голове возник образ злодея с которым нужно бороться. В голове само собой возникло описание противника.

— Это Голод? — догадался Ксан.

— Кто же ещё. Конечно он.

Они поднялись не спеша, прекрасно понимая, что их спешка не повлияет на страх, он никуда не денется. Ему нужен хаос, который возникает в спешке. Ксан накинул куртку. Левый рукав остался пустым, болтался обрывком собственной судьбы. Кожа на культе была стянута кожаным ремнём — и этот ремень каждый раз напоминал: чего то не хватает.

Элиан пристегнула пояс с инструментами. Теперь они были не просто предметами — это была её работа, она приняла присягу и теперь вынуждена нести этот крест. До недавнего времени Ксан превращал страх в стекло. Но теперь мир требовал другого: изъятия боли, последнего ощущения у умирающих, чтобы инквизиция не только ловила преступников, а могла выяснить причину преступления.

Возле часовни была особенная аура, как холодное дыхание, которое бывает в местах, куда приходят, чтобы выжить.

В помещении догорали свечи. На алтаре, там, где раньше лежали стеклянные осколки — доказательства магического дара Ксана, — теперь стояла деревянная статуя какого то святого. Вайолет настояла её поставить: порядок нужен всегда даже когда вокруг кровь и беда.

Дерево статуи было тёплым, согретое воздухом часовни, но тишина вокруг, была холоднее металла.

— Ты готов? — спросила Элиан.

Ксан выдохнул. Слова застряли в горле.

— Нет, — честно ответил он. — Но разве это когда-нибудь останавливало нас?

Девушка улыбнулась. Слабо. Устало. И всё равно — улыбка была искренней. В ней было то, ради чего он ещё не сломался совсем.

Рядом с ней он находился не из за её силы — эта девушка была смыслом его жизни.

Двое молодых людей вышли в ночной Трилистник.

Город засыпал тревожно. Даже в богатых кварталах не горели свечи — люди боялись света. Боялись теней, что вытягивались вдоль стен, жители чуяли, что может произойти что то нехорошее. Казалось, стоит лишь зажечь фитиль — и тени оживут, шагнут с каменных стен в твои комнаты, начнут шептать на ухо про забытые кошмары. Боялись того, что Голод может принять их форму и заглянуть в душу и узнать всё про тебя. Только две фигуры шли по вечернему городу, каждый шаг звучал слишком громко, похоже, улица записывала их дыхание в собственный реестр смерти.

— Вайолет ждёт нас в морге, — уточнила Элиан, шагая по брусчатке, так будто шаги поддерживали ритм биения её сердца. — Тело Глушителя нужно осмотреть до рассвета.

— Почему именно до рассвета? — поинтересовался Ксан, поправляя воротник пальто.

— Потому что после восхода солнца оно может... измениться, — тихо ответила Элиан. — Вайолет заметила, что кожа Глушителя уже начала светиться в темноте. Слабо, почти незаметно. Но она заметила. И Вайолет боится, что к утру от него останется только пепел — и мы не сможем узнать причину его гибели.

Спутник Элиан молча кивнул и прибавил шагу.

— А что потом? — Ксан слышал собственный голос так, будто говорил кто-то другой.

Элиан остановилась и посмотрела на своего спутника.

— Потом я пойду одна, — ответила она.

Ксан замер от неожиданности.

— Что? Почему одна?

— Потому что теперь твой магический дар не работает, Ксан.

Слова упали между ними, как стекло на камень: тихо, но достаточно, чтобы что-то треснуло внутри.

— Ты сам сказал. Ты не можешь превратить чужую боль в стекло, способен бороться только со своей болью. — Ну и что тогда?

— А против Голода твоя боль бесполезна. Он питается страхом. Чем больше ты боишься — тем он становится сильнее.

Ксан подавил смешок, который рвался наружу, выдавая неловкость момента.

— Я не боюсь.

Элиан повернулась к нему. В серебряном свете её глаза были пустыми — не пустотой Глушителя, не той белой тишиной, что бывает у лишённых памяти. Это была пустота усталости. Той, которая скопилась не за одну ночь, а накапливалась годами.

— Не ты боишься? — тихо произнесла она.

Ксан хотел возразить — и не смог. Потому что правда не требует доказательств, когда ты сам это чувствуешь, но боишься признаться.

— Ты же боишься, что стал ненужным. Что я могу справляться без тебя. Ты считаешь себя обузой для окружающих. .

Ксан открыл рот, чтобы возразить. Но слово «нет» застряло внутри, вместо этого он тихо прошептал: «да». И с ужасом понял, что отчасти Элиан, права.

Он сжал культию так, будто мог вернуть себе утраченную руку одним только эти нажимом.

— Я не брошу тебя, — уверенно произнёс он, не желая вступать в спор. — Я не прошу помогать мне, — ответила Элиан. — Я прошу тебя подождать здесь. Дай мне возможность разобраться со всем самой.

— Тогда обещай, что когда ты вернёшься... тогда и поговорим, — добавил он, и понял, что попросит не её, их прежнюю жизнь, где разговоры всегда помогали разрешить разногласия.

Она кивнула в знак согласия.

— А если ты не вернёшься? — вырвалось у него раньше, чем он успел сделать вид, что сомневается в успешном окончании её работы.

Элиан посмотрела на звёзды — бледные, едва заметные, как обещание, которое трудно сдержать.

— Тогда ты станешь последним Глушителем, — весело ответила она. — И найдёшь способ, чтобы меня вернуть.

В этом не было ничего страшного. Просто Элиан приняла решение, которое звучало как рабочая инструкция: шаг, другой шаг, третий... и главное не упасть.

Она подошла ближе и поцеловала его — коротко, почти неощутимо. Это было похоже не на прощание, просто девушка поставила точку в разговоре. Как печать на документе: «Я здесь, даже когда ухожу». И ушла

Шаги её быстро исчезали в темноте, Ксан остался на пустынной улице, сжимая культию, и смотрел ей вслед, пока мир не перестал быть картинкой и не стал — просто ожиданием.

Впервые в жизни он чувствовал себя не Алхимиком.

Не Рейвенвудом.

Не тем, кто превращает страх в стекло.

А просто мальчишкой — тем, кем он когда-то был до ремесла, до присяги, до того дня, когда мир решил, что его рука слишком ценна для жизни. Мальчишкой, который боится темноты.

И в этой тьме страх внутри его шептал ему: «Будь внимательнее». Потому что Голод не разбирает слов — он питается неуверенностью, пьёт её, как воду. И где-то там, в глубине города, кто-то уже сделал первый глоток — первый шаг к неизбежному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.